

Просто по этой вспышке эмоций и игре Су Учжи мог практически с уверенностью сказать, что Ци Юнь получил роль Сю Цы. Предыдущие актёры тоже были хороши, но ни один из них по-настоящему не понял внутренний мир персонажа.

Испуг, который показал прошлый актёр, выглядел очень правдоподобно, но его первой реакцией на то, что его схватили за горло, было желание сбежать, вырваться из чужих рук, всем телом выражая сопротивление. Однако Су Учжи представлял себе всё совсем иначе.

В сценарии действительно было указано «бороться», но эту грань было невероятно трудно уловить, и стоило чуть переборщить, как всё тут же начинало выглядеть фальшиво.

А вот Ци Юнь не стал сопротивляться. Он выбрал покорность — абсолютную, безграничную покорность.

Он не смел сопротивляться, даже когда его взяли за самое горло, потому что в этот момент Сю Цы ценился меньше, чем травинка у дороги. Он был не более чем повисшим на чужих плечах растением-паразитом, привязанным к маленькому главарю, и его могли сломать в любое мгновение.

Никаких принципов. Никаких возможностей.

Сначала Су Учжи подумал, что это неправильно, но стоило лишь хорошенько задуматься о происхождении и судьбе Сю Цы, как стало ясно: Ци Юнь поступил абсолютно верно.

В своём экземпляре сценария Ци Юнь сделал пометку: «Живя под чужой крышей, не имея возможности вырваться, остаётся лишь покориться».

Ци Юнь до боли напоминал Сю Цы. Су Учжи даже показалось, что он видит, как сам Сю Цы, живой и настоящий, сошёл со страниц вымышленного мира прямо к ним.

В Ци Юне не осталось ни следа от той изнеженной утончённости, что была на нём в тот день. Сейчас от него веяло болезненностью, но в то же время в нём таилось странное, притягательное очарование.

Возможно, у Сю Цы тоже возникали порывы сбежать отсюда, но он был слишком ничтожен — настолько ничтожен, что им пренебрегали.

Ци Юнь понимал его боль, но не считал, что слепое согласие со всем — это правильно. И Сю Цы как раз не был таким человеком: в его дальнейших сценах, пусть их и было немного, проступала его стойкость.

А ещё сказывался жизненный опыт, оставшийся у него от прошлой жизни.

Звучит нелепо, но это действительно существовало.

Именно эта черта нравилась Ци Юню больше всего.

Су Учжи сразу понял, что Ци Юнь — актёр, полностью погружающийся в роль, однако мало кто из артистов способен так быстро выходить из образа. Воистину редчайший талант.

Эта беспомощность невыносимо болезненна, так почему бы просто не позволить себе оцепенеть, став точно таким же, как остальные заблудшие души?

Разве в руинах разрушенного здания найдётся хоть уголок для выживания крошечной мухи? Точно так же и он, запертый в клетке, не мог вырваться из предопределённой ему жизни.

Но этим детям ещё повезло: они малы, и даже за воровство или грабёж их ждёт всего лишь наложка наказания. В то время как в том же месте голодали взрослые, и некоторые даже намеренно совершали преступления, лишь бы угодить в тюрьму ради куска хлеба.

Он никогда не учился актёрскому мастерству и полагался исключительно на собственное понимание, связывая воедино уже имеющийся жизненный опыт и черты вымышленного персонажа.

— Если сможешь, приходи на нашу съёмочную площадку уже завтра. Съёмочный график очень плотный, так что прошу тебя заранее подготовиться к трудностям, — строго произнёс Су Учжи.

Ци Юнь казался накрепко связанным со своим персонажем, но стоило ему выйти из образа, как от Сю Цы не оставалось и следа.

По сравнению с Сю Цы, у него самого всё же был шанс вырваться на свободу, он даже почти сумел распрощаться с прошлым, вот только из-за какого-то «несчастливого случая» его вновь вжало в грязь.

И всё это было личным опытом самого Ци Юня — тем, через что он прошёл ещё до того, как отец Ци признал его.

Ци Юнь кивнул: — Больше всего на свете я умею терпеть трудности.

Участие Ци Юня в этой роли могло лишь украсить и без того прекрасную картину. Он изначально шёл за наградой, и сейчас у него появилось ощущение, что шансы получить её в конце года возросли ещё на несколько процентов.

Освободившись от тяжёлых эмоций, Ци Юнь какое-то время чувствовал себя немного потерянным: вевшееся в самую кость ощущение собственной ничтожности неотступно

следовало по пятам.

Режиссер явно остался доволен Ци Юнем, а раз так, значит, эту возможность удалось ухватить, и на душе у Ци Юня стало чуточку легче.

Вживание в роль можно было назвать настоящей пыткой, ведь Ци Юню приходилось сопоставлять собственный жизненный путь с историей этого персонажа в поисках точек соприкосновения.

Эта роль подвернулась совершенно неожиданно, но в то же время вполне закономерно, оправдав все его долгие старания и вложенные усилия.

Ци Юнь собственными глазами видел, как дети из трущоб отнимали еду у бродячих собак, скитались по улицам в поисках объедков, чтобы не умереть с голоду, падали на колени и били поклоны ради жалкого куска пищи, а в ответ получали лишь пинки от безразличных ими людей или их прогоняли прочь, как назойливых животных.

Но не успели Су Учжи и Ци Юнь обсудить детали контракта и прочие вопросы, как к ним стремглав подбежал помощник режиссера и зашептал что-то прямо на ухо Су Учжи.

Не дослушав до конца, Су Учжи нахмурился: — Что? Почему именно...

Ци Юнь понял, что здесь возникли какие-то непредвиденные осложнения, однако не стал выказывать лишних эмоций и просто тихо ждал, какое решение примет Су Учжи.

— Ни за что. С теми людьми я сам буду вести переговоры, эту роль я не отдам! — подумав немного, Су Учжи всё же решил стоять на своём.

— Но это же... главный инвестор, режиссёр! У меня просто нет таких полномочий, — растерянно пробормотал помощник.

Судя по их разговору и выражениям лиц, Ци Юнь примерно догадывался, о чём идет речь.

Скорее всего, кто-то из инвесторов надумал протащить «своего» человека на эту роль за деньги. Но ведь это всего лишь неприглядная второстепенная роль, далеко не ключевая — зачем кому-то понадобилось бороться именно за неё?

Значит, этот человек делает всё намеренно, целясь непосредственно в него.

Похоже, в последнее время кое у кого глаза налились кровью от зависти. В голове Ци Юня тут же мелькнул чей-то силуэт, и он примерно понял, кто именно за этим стоит.

К счастью, Су Учжи не собирался его заменять, судя по тому, насколько сильно тот был им доволен.

— Ци Юнь, можешь пока идти. Завтра приходи пораньше.

Ци Юнь кивнул, бросил короткое: — До завтра, — и покинул съёмочную площадку.

Он рассказал о случившемся своему агенту, и тот пришёл в крайнее изумление.

Ци Юнь, артист, на котором он уже практически поставил крест, умудрился получить роль в проекте самого режиссёра Су Учжи? Да ещё и договорился обо всём сам? Просто невероятно.

Агент не стал чинить препятствий и лишь бросил на прощание: — Не упusti свой шанс.

Ранним утром следующего дня Ци Юнь на машине приехал по адресу, который прислал Су Учжи. Сегодня его ждали первые съёмки.

Су Учжи тоже немного успокоился: — Сначала иди на грим. Сегодня сцены будут довольно откровенными, ты готов к этому? Если ещё не настроился морально, давай сначала снимем диалоговые эпизоды.

Сю Ци был рабом в наркокартеле, к тому же омегой с яркой и броской внешностью, так что без сцен со «знаками внимания» обойтись было никак нельзя.

Ци Юнь не был до конца уверен, удастся ли ему сейчас вновь поймать нужный актёрский настрой — сразу погружаться в эмоционально тяжёлые сцены и впрямь было непросто. Но он любил трудности, потому что именно они позволяли ему раскрыться с новой стороны.

Иначе было бы просто неинтересно!

— Без проблем, режиссёр, — ответил Ци Юнь и отправился в гримёрную.

Один из сотрудников съёмочной группы не удержался и спросил режиссера: — Режиссёр, откуда этот актёр? Честно говоря, никогда раньше не видел его в нашей тусовке.

Работник съёмочной группы попросту не узнал в нём Ци Юня, которого еще недавно поливали грязью все кому не лень.

Лицо красивое, но аура совершенно особенная. От Ци Юня веяло солидностью взрослого человека, совсем не свойственной парню чуть за двадцать. Его манера держаться не соответствовала возрасту, а лёгкая отстранённость производила глубокое впечатление.

— Его зовут Ци Юнь. Разве он не вылитый Сю Цы из сценария? — самодовольно ответил Су Учжи.

Когда сценарист узнал об этом решении, его лицо было чернее тучи целых несколько дней. Вернувшись домой, он принялся досконально изучать «дебютную» работу Ци Юня в кино, и та отвратительная игра вкупе с нелепыми гримасами заставила его мысленно провалиться сквозь землю на десяток этажей вниз.

Но приходилось признать: Су Учжи отлично умел разбираться в людях. Если судить исключительно по внешности, Ци Юнь и был самым Сю Цы.

Исполнители главных ролей, мужчина и женщина, как раз закончили репетировать и вернулись к режиссёру, случайно услышав изумлённый возглас рабочего: — Ци Юнь?! Это тот самый Ци Юнь?

Ци Юнь? Тот самый всеобщий посмешище из вирусившихся роликов в интернете? Работник ни за что не смог бы связать эти два образа воедино.

Актрису, игравшую Мо Цици, звали Су Тун, и она была самой яркой звездой в этой съёмочной группе — восходящей молодой иконой экрана, прославившейся своим мастерством, а также невероятно стильной девушкой-альфой.

Исполнителя главной роли звали Лу Вэйлань. От него за версту разило честностью и благородством, а волевые черты лица делали его идеальным кандидатом на роль Чэн Вэя — казалось, он даже не играет, а просто остаётся самим собой.

С озадаченным видом он спросил: — А что не так с Ци Юнем? Режиссёр, вы тоже полакомились сплетнями о нём? В последнее время этот парень только и делает, что гремит на весь интернет.

Су Тун искренне презирала этого лишённого принципов омегу, который увивался за альфами. Он позорил всех омег целиком, и она не удержалась от едкого плевка в его сторону: — С такой-то внешностью и метит в высшее общество? Какой ещё омега опустится до такого?

Сразу после того, как Су Тун произнесла эти слова, вернулся Ци Юнь. Он услышал её насмешку издалека, но пропустил слова мимо ушей, не выказав и тени смущения.

В конце концов, всё это действительно было частью его прошлого, и оправдываться было не в чем.

— Режиссёр, я готов, — Ци Юнь с некоторым неудовольствием дёрнул себя за воротник. Несмотря на всю моральную подготовку, костюм всё же заставил его почувствовать себя неловко. Наряд этот... мягко говоря, был чересчур авангардным.

В гардеробе самого Ци Юня хватало ярких вещей, но все они выглядели вполне обычно, чего нельзя было сказать об одежде Сю Цы.

Режиссер остался более чем доволен увиденным: на Ци Юне красовалась полупрозрачная белая рубашка с глубоким вырезом, обнажающим молочно-белую грудь, белизна которой соперничала с цветом ткани. Нижняя часть комплекта представляла собой брюки с разрезами, поднимающимися почти до самых бедер, из-за чего при каждом движении открывались его длинные и стройные ноги.

Талию стягивал кожаный ремень, подчёркивающий потрясающий изгиб.

Визажисты сделали упор на яркость и обольстительность, доведя все достоинства внешности Ци Юня до абсолютного совершенства. Алые уголки глаз придавали ему естественный, завораживающий шарм, а лёгкие тени под глазами и бледные губы добавляли этому образу ядовитого «макового цветка» хрупкую беззащитность.

Эффект от визуального шока был столь силен, что взгляды всех присутствующих невольно приковались к Ци Юню, проникшись к нему абсолютным уважением.

Это... кто вообще?

Лу Вэйлань, будучи альфой, инстинктивно отвёл глаза. Су Тун поступила точно так же, не смея смотреть слишком долго, а ошейник на шее Гу Ичжи ясно давал понять, что он омега — между альфами и омегами должно быть расстояние!

Лицо Лу Вэйлани покрылось подозрительным румянцем, и он пару раз кашлянул, чтобы скрыть смущение.

Су Тун широко распахнула глаза. Кто это?!

Ци Юнь робко попытался возразить: — Режиссёр, мой костюм... он точно пройдёт цензуру?

Су Учжи сиял от восторга: — С чего бы нет? Изначально мы планировали чёрный сетчатый верх, но это уже облегченный вариант! Быстро-быстро, все по местам, готовимся снимать первую дубль-сцену!

— Здравствуйте, я Ци Юнь. Мы впервые встречаемся, так что прошу сильно ко мне не придирааться, — Ци Юнь протянул руку, приветствуя исполнителей главных ролей.

Оба ведущих актёра пожали ему руку.

И пусть этот Ци Юнь сильно отличался от сетевых слухов, лицо у него было самое что ни на

есть настоящее, фальшивкой здесь и не пахло.

Су Тун, ещё мгновение назад критиковавшая Ци Юня за непривлекательность, лишилась дар речи. Разве в жизни он не хорош собой? Почему же в том видео его сняли настолько уродливым?

Прокрутившись в шоу-бизнесе не один год, оба актёра научились говорить с людьми на их языке и теперь, сделав вид, будто ничего не знают, пожали Ци Юню руки и представились.

— Приветствую, — Су Тун окинула Ци Юня оценивающим взглядом с ног до головы, надеясь отыскать те самые уродства и недостатки, над которыми так смачно злословили интернет-сплетники. Однако Ци Юнь выглядел безупречно, и придаться было абсолютно не к чему.

Более того... его осанка и пропорции были даже лучше, чем у многих коллег по цеху.

Наконец настал момент команды «мотор», остальные участники массовой тоже заняли свои позиции, готовясь к работе.

Ци Юнь глубоко вздохнул, и когда он снова открыл глаза, в них плескалось лишь беспросветное горе.

Он стал Сю Цы — человеком, чья душа оказалась выжжена пытками наркотиков.

<http://bllate.org/book/20907/2113800>